

Правоведение

УДК 342.1

Е.А. Анчишина

ПРЕЗУМПЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В статье представлен анализ основных существующих на сегодняшний день подходов к определению понятия правовой презумпции и ее сущности (логико-философского, юридического и нормативного). Обоснована авторская точка зрения на презумпцию как прием юридической техники, который находит как прямое, так и косвенное отражение в нормативно-правовых актах, а также в правовоположениях судебной практики, что подтверждается конкретными примерами из Постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и других актов судебного толкования. В ходе исследования правового значения презумпций автором выделен его юридико-практический аспект, который выражается в преодолении состояния неопределенности относительно факта существования тех или иных правовых явлений посредством закрепления определенного предположения и, как следствие, освобождении заинтересованного в признании существования факта лица от доказательства этого существования. Особое внимание уделено проблеме определения пределов применения различных правовых презумпций и допустимости их одновременного существования на примере презумпций в гражданском праве.

Ключевые слова: правовая презумпция, предположение, правовоположение, прием юридической техники, презумпция вины, презумпция добросовестности.

DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-1-70-80

Правовые презумпции всегда привлекали внимание правоведов, поскольку их применение оказывает значительное влияние как на законотворческий, так и на правоприменительный процесс. В настоящее время интерес к данной правовой категории обусловлен также и тем, что в последние годы отмечается тенденция увеличения количества презумпций в нормативных правовых актах. Кроме того, в современном праве все чаще и судебная практика (прежде всего практика высших судебных инстанций) становится источником формирования многих презумптивных положений.

Происхождение термина «презумпция» зачастую связывают с латинским словом «praesumptio», которое означает предположение, основанное на вероятности, ожидание¹. В ряде источников дается более развернутый перевод данного понятия как «некое предположения, косвенно или прямо закрепленного в правовой норме, в соответствии с которым определен порядок вещей в области социальных отношений признается обыденным и не нуждающимся в доказывании»². Термин «praesumptio» упоминается в Дигестах Юстиниана (примерно в 30 контекстах). Титул III книги XXII этого юридического источника непосредственно посвящен изучению доказательств и презумпций *de probationibus et praesumptionibus* (о доказательствах и презумпциях)³. Это понятие встречается и в Кодексе Юстиниана, а

¹ Каранина Н.С. Сущность правовой презумпции: определение понятия «презумпция» в современной теории права и российском законодательстве; признаки правовой презумпции // *Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские чтения: «Правовые презумпции: теория, практика, техника»* / гл. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород, 2010. № 4. С. 215. Коломина А.В., Комарова Л.К. Презумпция аффекта в праве // *Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские чтения: «Правовые презумпции: теория, практика, техника»* / гл. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород, 2010. № 4. С. 259. Кучинский В.А. Юридические презумпции и фикции (общие черты и различия) // *Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские чтения: «Правовые презумпции: теория, практика, техника»* / гл. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород, 2010. № 4. С. 302.

² Арзамасов Ю.Г. О понятии презумпций и их месте в системе средств юридической техники // *Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские чтения: «Правовые презумпции: теория, практика, техника»* / гл. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород, 2010. № 4. С. 72.

³ Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002–2006. Т. I–VIII. Цит. по: Придворов Н.А., Трофимов В.В. Презумпции в римском и современном праве: историко-теоретический аспект // *Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские чтения: «Правовые презумпции: теория, практика, техника»* / гл. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород, 2010. № 4. С. 465.

также в Институциях Гая, что говорит о существовании презумпции как таковой в древнеримском праве. Тем не менее ни определения данного понятия, ни классификации презумпций римские юристы не давали⁴. Все это явилось результатом более поздней средневековой юриспруденции. С этого времени было предложено немало различных трактовок и определений данного понятия.

В качестве иллюстрации такого разнообразия позиций представляется необходимым обратиться к содержанию ряда научных исследований дореволюционного периода. Так, в монографии Д.И. Мейера «О юридических вымыслах и предположениях, о скрытных и притворных действиях», изданной в 1854 году, презумпция рассматривается как «признание факта существующим по *вероятности* (выделено мной. – Е.А.), что он существует»⁵. Г.Ф. Дормидонтов в своей монографии «Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций» 1895 года указывает на необходимость изменить данное Д.И. Мейером определение презумпций ввиду недопустимости их понимания через призму вероятности. Ученый предлагает исходить из следующего: «Предположение вообще – избранное или принятое *мнение* (выделено мной. – Е.А.) о сомнительном предмете; общечеловеческое предположение – такое *мнение* (выделено мной. – Е.А.), которое по тем или другим основаниям можно назвать общепринятым, господствующим в среде мыслящих людей; юридическое предположение в обширном смысле – всякое определение объективного права, в котором выражается принятие законодателем определенного *мнения* (выделено мной. – Е.А.) относительно какого-либо сомнительного предмета; юридическое предположение в техническом смысле – юридическое определение, в силу которого возможный, но сомнительный факт или таковое же качество принимаются за объективно вероятные или даже достоверные и обсуждаются как существующие и доказанные»⁶. Таким образом, Г.Ф. Дормидонтов выводит на первый план в определении презумпций не понятие вероятности, а понятие мнения, которое «с одной стороны, может опираться на объективные свидетельства, факты опыта, делающие известное принятие вероятным, не доставляя ему достоверности; а с другой – на субъективные свидетельства, лежащие в основании нашего верования, свидетельства, которые не всегда даже доходят до ясного сознания самого верующего»⁷. При этом ученый, рассматривая презумпцию в узком смысле, обращает внимание на ее доказательственное значение. В частности, он отмечает, что «признание существования сомнительного факта или качества может иметь целью только освобождение заинтересованного в признании существования факта лица от доказательства этого существования или облегчение этого доказательства; почему учение о презумпциях относят к учению о доказательствах в процессе и говорят, что презумпция заменяет доказательство, что она есть суррогат доказательства»⁸. Вместе с тем иногда, как указывает Г.Ф. Дормидонтов, «законодатель предполагает известный возможный факт существующим и с существованием его связывает известные последствия... Иначе говоря, в этих случаях принятый без доказательства факт законодатель ставит условием для применения связываемых с этим фактом последствий»⁹.

Следует также обратить внимание на то, что и Д.И. Мейер, и Г.Ф. Дормидонтов отмечали определенное сходство презумпций с приемами, используемыми законодателем при создании фикций. Д.И. Мейер относит данные правовые явления к отклонениям от нормального порядка, когда «определения, рассчитанные на известные факты, получают силу, хотя последних мы и не усматриваем»¹⁰ с той лишь разницей, что фикция представляет собой «вымышленное существование факта, о котором известно, что он вовсе не существует или существует в другом виде»¹¹, а в случае с презумпцией «существование факта не раскрыто с несомненностью, но оно более или менее вероятно и потому предполагается»¹². Г.Ф. Дормидонтов отмечает, что и в том, и в другом случае нормы законодатель-

⁴ Придворов Н.А., Трофимов В.В. Указ. соч. С. 464–465.

⁵ Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытных и притворных действиях. Казань, 1854. С. 44.

⁶ Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Часть первая. Юридические фикции и презумпции // Вестник гражданского права. 2011. № 1. URL: <https://center-bereg.ru/b5350.html>.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Мейер Д.И. Указ. соч. С. 2.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

ства предписывают «принятие известного мнения о факте»¹³. Он усматривает разницу между данными правовыми явлениями лишь в том, что «при фикции предписывается вымышлять известный факт или качество, заведомо несуществующее, а при презумпции принимать известный возможный, но сомнительный факт или таковое же качество за доказанные»¹⁴. Следует отметить, что в советской юридической литературе категория фикции рассматривалась, как правило, лишь «...в контексте противопоставления ее правовым презумпциям. При этом в качестве основной отличительной черты фикции вновь указывалось отсутствие истинности»¹⁵. Однако на сегодняшний день в современной юридической литературе такие объяснения фикции и, как следствие, критерии ее отграничения от презумпции признаются устаревшими¹⁶.

Множество подходов к определению правовой природы презумпции сформировалось и в советской юридической доктрине. При этом часть из них получила свое дальнейшее развитие в современной юриспруденции.

Первый подход отражает логико-философское понимание существа рассматриваемого правового явления. Правоведы, придерживающиеся данной точки зрения, исходят из того, что презумпция является прежде всего логической категорией, основанной на предшествующем опыте. В.К. Бабаев, в частности, определяет правовую презумпцию как «закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом»¹⁷. Методом образования презумпций, по мнению ученого, является «неполная индукция, которая и предопределяет вероятный характер презумптивных обобщений»¹⁸. Таким образом, «презумпция в общелогическом ее понимании выглядит как предположение, являющееся видом индуктивного умозаключения (от частного к общему)»¹⁹.

Второй подход является юридическим и рассматривает презумпцию как изначально правовое явление, а «в качестве критерия отнесения к числу правовых презумпций использует не степень вероятности, а необходимость юридического признания презюмируемого факта»²⁰. Последователи данной теории определяют презумпцию как «закрепленное в законе или вытекающее из него правило, согласно которому при проявлении определенных юридических фактов можно сделать предположение о наличии или отсутствии других фактов, правоотношений, без предоставления доказательств в их подтверждение»²¹.

Современной правовой доктрине известен и так называемый нормативный подход, в силу которого презумпция представляет собой «правовую норму, содержащую в себе логический прием презюмирования»²², который позволяет «признать презюмируемый факт установленным при наличии фактов исходных»²³. В частности, К.Б. Калиновский и А.В. Смирнов считают, что «всякая презумпция – это правовая норма, в силу которой при наличии одного юридического факта признается существованием другой юридический факт – до тех пор, пока не доказано обратное»²⁴. Интересной по этому вопросу представляется позиция О.А. Кузнецовой. Она утверждает, что существуют презумпции

¹³ Дормидонтов Г.Ф. Указ. соч.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Анчишина Е.А. Роль юридических фикций в современной правоприменительной практике // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2020. Т. 30, вып. 5. С. 698.

¹⁶ См. об этом: Анчишина Е.А. Роль юридических фикций в современной правоприменительной практике // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2020. Т. 30, вып. 5. С. 697-705.

¹⁷ Бабаев В.К. Презумпции в советском праве: автореф. дис...канд. юрид. наук. Свердловск, 1969 // Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские чтения: «Правовые презумпции: теория, практика, техника» / гл. ред. В.М. Баранов. Н.Новгород, 2010. № 4. С. 16.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ойгензихт В.А. Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе, 1976. С. 6.

²⁰ Давыдова М.Л. Правовые презумпции в системе средств юридической техники // Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские чтения: «Правовые презумпции: теория, практика, техника» / гл. ред. В.М. Баранов. Н.Новгород, 2010. № 4. С. 160.

²¹ Каранина Н.С. Указ. соч. С. 215.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Калиновский К.Б., Смирнов А.В. Презумпции в уголовном процессе // Российское правосудие. 2008. № 4. С. 68-74.

как средства юридической техники и презумпции-нормы. Последние, по ее мнению, имеют структуру, состоящую из трех элементов: гипотезы, диспозиции и контрпрезумпции. Такая норма конструируется, как отмечает автор, по следующей схеме: «Если А (гипотеза), то предполагается Б (диспозиция), пока не доказано обратное (контрпрезумпция)²⁵ О.А. Кузнецова относит норму-презумпцию к «специализированным (или вспомогательным) нормам права, отличающимся от основных норм спецификой осуществляемых в механизме правового регулирования функций, а также особенностями своей нормативной структуры»²⁶. В докторской диссертации она дает следующее определение нормы-презумпции: «Это специализированная норма права в виде вероятного предположения, выполняющая системоупрощающую функцию путем необходимости его применения, при условии, что не будет доказано наличие противоположного предположению, и имеющая структуру, состоящую из двух элементов (гипотезы и диспозиции) и конструирующуюся по схеме "Если А и не доказано не-Б, то предполагается Б"²⁷.

На наш взгляд, включение презумпций в текст нормативно-правовых актов является не чем иным, как приемом юридической техники. В связи с этим следует согласиться с утверждением Б.А. Булаевского о том, что «нормы права, отражая определенные правовые явления, не сливаются с такими явлениями, и, следовательно, не должны отождествляться с ними»²⁸ и уместнее говорить о «нормах, содержание которых сформировано на основе презумпции»²⁹, где презумпция – юридическая конструкция – метамодель, структурный элемент основной модели – правового предписания»³⁰. Кроме того, не все правовые презумпции закреплены в текстах нормативно-правовых актов. Некоторые из них были сконструированы в результате правоприменительной деятельности и существуют в виде правоположений³¹. В процессе правоприменения складываются так называемые общие правовые положения, являющиеся результатом индивидуально-правовой деятельности судебных органов. Правоположение является неким промежуточным звеном, отличающимся по уровню общеобязательности, обобщенности и формальной определенности от правовой нормы, обладающее такими свойствами, как применимость, определенная нормативность, обязательность и выполняет при этом регулятивную функцию. Такие правоположения, в том числе презумптивного характера, разрабатываются преимущественно высшими судебными инстанциями. Однако следует отметить, что некоторые авторы придерживаются более широкого понимания процесса правоприменения, в ходе которого конструируются презумпции. В частности, Е.А. Угренинова, полагает, что презумпции в таком случае «формируют внутреннее убеждение правоприменителя, в том числе составляют основу "судебного усмотрения", место для которого остается всегда»³². Такого рода презумпции, как отмечает автор, «обладают особой спецификой, которая находит свое отражение в предмете регулирования, обязательности и стабильности в правоприменении, они закреплены вступившим в законную силу решением или приговором суда»³³.

В подтверждение вышесказанного приведем несколько примеров правоположений судебной практики презумптивного характера, не нашедших нормативного закрепления. Так, в п. 5 Постанов-

²⁵ Кузнецова О. А. Презумпции в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Екатеринбург, 2001. (Из фондов Российской государственной библиотеки). URL: <http://diss.rsl.ru>.

²⁶ Там же.

²⁷ Кузнецова О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03. Екатеринбург, 2007 (Из фондов Российской государственной библиотеки). URL: <http://diss.rsl.ru>.

²⁸ Булаевский Б.А. Презумпции в механизме защиты гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94). С. 128.

²⁹ Хотя Б.А. Булаевский и относит такие нормы к так называемым презумптивным нормам.

³⁰ Булаевский Б.А. Презумпции в механизме защиты гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94). С. 128.

³¹ Данный термин является достаточно устоявшимся и общепринятым в правовой доктрине, о чем свидетельствуют многочисленные научные работы. В частности, Обыденнов А.Н. Правоположения судебной практики // Журнал российского права. 2002. № 1. С. 115-117; Смирнова М.Г. Правоположения судебной практики как нетипичный источник права // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 1 (5). С. 54-70; и др.

³² Угренинова Е.А. Презумпции в российской государственно-правовой традиции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2014 (Из фондов Российской государственной библиотеки). URL: <http://diss.rsl.ru>. С. 34.

³³ Там же. С. 160.

ления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» сформулирована презумпция наличия причинной связи между нарушением и убытками, в силу которой «если возникновение убытков, возмещения которых требует кредитор, является обычным последствием допущенного должником нарушения обязательства, то наличие причинной связи между нарушением и доказанными кредитором убытками предполагается»³⁴. Презумпция раздельного и самостоятельного осуществления полномочий несколькими лицами от имени юридического лица закреплена п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно которой «если учредительным документом юридического лица предусмотрено, что полномочия выступать от его имени предоставлены нескольким лицам, то в отсутствие в ЕГРЮЛ сведений о совместном осуществлении или ином распределении полномочий предполагается, что они действуют раздельно и осуществляют полномочия самостоятельно по всем вопросам компетенции соответствующего органа юридического лица. Например, если в соответствии с пунктом 3 статьи 65.3 ГК РФ в корпорации образовано несколько единоличных исполнительных органов, предполагается, что они действуют независимо по всем вопросам компетенции»³⁵. В Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 3 июля 2012 г. № 1964/12³⁶ сформулирована презумпция раздельного сопоручительства, из которой следует, что множественность поручителей квалифицируется как совместное поручительство только при наличии соответствующего волеизъявления на это. Во всех остальных случаях, «когда договоры поручительства заключались раздельно друг от друга и не содержали указания на совместный характер поручительства, следует говорить о раздельном поручительстве»³⁷. Впоследствии в ходе развития судебной практики по данному вопросу была выработана и презумпция совместного поручительства при аффилированности поручителей³⁸. В п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» сформулирована презумпция намерения заключить договор, согласно которой «в случае направления конкретному лицу предложения заключить договор, в котором содержатся условия, достаточные для заключения такого договора, наличие намерения отправителя заключить договор с адресатом предполагается, если иное не указано в самом предложении или не вытекает из обстоятельств, в которых такое предложение было сделано»³⁹. Таким образом, вышеуказанные примеры из судебной практики подтверждают тот факт, что установление высшими судебными инстанциями презумпций не только допускается, но и не является чем-то исключительным, а представляет собой вполне устоявшуюся практику формирования презумптивных положений в процессе правоприменительной деятельности.

Следует отметить, что в юридической литературе отсутствует единообразие и по вопросу назначения правовых презумпций.

Некоторые ученые рассматривают правовое значение презумпций в их взаимосвязи с юридическими фактами и теми правовыми последствиями, которые они порождают. Н.Ф. Качур считает презумпцию «предпосылкой установления либо неустановления одного юридического факта при условии наличия иных, а в ряде случаев, и заменяющее юридический факт, влекущий за собой те или иные материально-правовые последствия»⁴⁰. Несколько иначе связь правовых презумпций с юридическими фактами усматривают К.Б. Калиновский и А.В. Смирнов. Они включают юридические факты в саму структуру презумпций. По мнению авторов, «в структуре презумпций всегда присутствуют два юриди-

³⁴ URL: <https://rg.ru/2016/04/04/gk-dok.html>.

³⁵ URL: <https://rg.ru/2015/06/30/grkodeks-dok.html>.

³⁶ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70115156>.

³⁷ Анчишина Е.А. Освобождение поручителя от ответственности при совместном и раздельном поручительстве // Уголовно-правовая политика: тенденции развития: сб. ст. / науч. ред. В.Г. Ившин, А.М. Каминский; отв. ред. Л.Г. Татьяна. Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2018. С. 215-223.

³⁸ Определение Верховного Суда РФ от 04 октября 2018 года № 305-ЭС18-9321. URL: <https://legalacts.ru>.

³⁹ URL: <https://rg.ru/2019/01/11/dogovor-dok.html>.

⁴⁰ Качур Н.Ф. Презумпции в советском семейном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982. С. 7. Цит. по: Угрюнинова Е.А. Указ. соч. С. 42.

ческих факта: первый, который предусмотрен гипотезой нормы, и второй, который предусмотрен диспозицией. При условии установления первого факта (назовем его факт "А") считается установленным и второй, искомый факт ("Б"). Факт "А" есть юридический факт, поскольку порождает обязанность правоприменителя признать факт "Б". Но последний также является юридическим фактом, ибо порождает правоотношение, ради которого, собственно, и установлена данная правовая норма»⁴¹.

Б.А. Булаевский общее назначение презумпций усматривает в ее применении в ситуациях, когда имеется «неопределенность относительно факта существования тех или иных значимых для права явлений»⁴². При этом слово «факт» автором применяется в широком смысле, то есть под ним понимается не только юридический факт, но и факт существования определенных правоотношений (например, в случае с презумпцией равенства долей участников общей собственности объектом предположения является конкретное правоотношение между сосособственниками), при детализации - факты существования элементов отдельных правоотношений, факты субъективного отношения участников правоотношений к определенному поведению и его последствиям (например, в случае с презумпцией вины причинителя вреда объектом предположения является юридически значимое отношение лица к своему поведению и его последствиям)⁴³. Как справедливо утверждает автор, «даже при элементарном структурировании механизма правового регулирования по схеме (правовая норма > юридический факт > правоспособность > юридический факт > правоотношение) не сложно допустить применение презумпций не только для восполнения недостающих юридических фактов»⁴⁴. Таким образом, объектом предположения может быть не только юридический факт, но и иное правовое явление.

По мнению Н.С. Караниной, «целевая составляющая» правовой презумпции заключается в «способности снимать состояние неопределенности общественных отношений при невозможности применения других средств юридической техники»⁴⁵.

Некоторые авторы рассматривают презумпции как «средства правового регулирования, направленные на то, чтобы перераспределить бремя доказывания, решить проблему достаточности доказательств для разрешения дел»⁴⁶, а также используемые для «восполнения пробела, обусловленного неустранимой недостаточностью или противоречивостью доказательственной информации по делу»⁴⁷. Таким образом, приверженцы данного подхода сущностной особенностью презумпций считают их использование в доказательственной деятельности.

С другой стороны, как отмечает М.Л. Давыдова, они «выступают в качестве средств юридической техники, представляющих собой профессиональные механизмы упрощения и оптимизации процедуры рассмотрения дела, средства рационализации юридической деятельности»⁴⁸. Однако рассмотрение презумпций лишь с этой точки зрения, как отмечается в юридической литературе, лишает их регулятивной функции, а также снижает их правовое значение. Так, в диссертации Л.А. Астемировой раскрывается тезис, что «презумпции выходят за рамки характеристики как приема или способа юридической техники, поскольку не оформляют некую регулятивную норму, но сами несут регулятивный потенциал, т.е. обеспечивают властное правовое воздействие на общественные отношения»⁴⁹. Особенным в отношении презумпций, по мнению автора, является «специфика их юридического конструирования, формой объективации которого выступают специализированные (вспомогатель-

⁴¹ Калиновский К.Б., Смирнов А.В. Указ. соч. С. 68.

⁴² Булаевский Б.А. Презумпции в механизме защиты гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94). С. 128.

⁴³ Булаевский Б.А. Гражданско-правовые презумпции: понятие и функции // Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские чтения: «Правовые презумпции: теория, практика, техника» / гл. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород, 2010. № 4. С. 110.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Каранина Н.С. Указ. соч. С. 219-220.

⁴⁶ Мохов А.А. Презумпция дееспособности лица, достигшего установленного законом возраста, и ее применение в судебной практике // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 12. С. 6-10. Цит. по: Давыдова М.Л. Указ. соч. С. 170.

⁴⁷ Гражданский процесс: учебник / под ред. А.Г. Коваленко, А.А. Мохова, П.М. Филиппова. М., 2008. С. 94.

⁴⁸ Давыдова М.Л. Указ. соч. С. 170.

⁴⁹ Астемирова Л.А. Презумпции в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2010 (Из фондов Российской государственной библиотеки). URL: <http://diss.rsl.ru>.

ные) нормы права. Требуемый регулятивный результат достигается через специфику юридической конструкции, которая в случае презумпции есть логическое построение, позволяющее как предположить возникновение правоотношения признавать юридическими фактами лишь вероятно существующие факты»⁵⁰. Ранее аналогичную позицию высказывала и О.А. Кузнецова, утверждая, что «презумпция регулирует общественные отношения, поскольку предполагает необходимость (обязанность) признания закрепленного в ней предположения установленным без специальных доказательств, если не будет доказано противоположное предположению»⁵¹.

Другие авторы на основе анализа регулирования отраслевых общественных отношений и роли презумпций в этом механизме выделяют юридико-техническое и юридико-прикладное функциональное значение данного правового явления: «юридико-техническое значение презумпций связывается с их принадлежностью к нормам права как к элементу механизма правового регулирования и отражается в следующих направлениях воздействия (функциях) на систему права: вспомогательном – так как презумпции обеспечивают согласованность норм определенной отрасли права между собой; системообразующем – поскольку с помощью презумпций достигается связь между различными отраслями права; праворазъяснительном – так как презумпции позволяют уяснить содержание иной правовой нормы, сузив или расширив его объем; регулятивном – когда презумпции являются принципами права. Юридико-практическое значение презумпций проявляется в их использовании в правоприменительной практике: презумпции освобождают участников судебного процесса от доказывания определенных фактов; презумпции распределяют бремя доказывания; презумпции позволяют всегда достичь определенного юридического результата при рассмотрении дела, если представленных доказательств недостаточно»⁵².

Несмотря на многообразие существующих в правовой доктрине точек зрения на природу презумпций и их назначение можно выделить несколько общих положений, к которым так или иначе приходят все исследователи без исключения. Прежде всего следует отметить, что презумпция обладает особой юридической конструкцией. Как правило, на ее наличие в норме праве указывают такие слова и словосочетания, как «пока не доказано обратное», «пока не доказано иное», «предполагается», «доказывается», «не доказано», «предположение». Наиболее общим образом формулу презумпции можно представить так: «Если А, то предполагается Б, пока не доказано иное». Так, например, согласно п. 3 ст. 423 ГК РФ, договор предполагается возмездным, если из закона, иных правовых актов, содержания или существа договора не вытекает иное. В силу п. 4 ст. 12 Закона РФ «О защите прав потребителей» при рассмотрении требований потребителя о возмещении убытков, причиненных недостоверной или недостаточно полной информацией о товаре (работе, услуге), необходимо исходить из предположения об отсутствии у потребителя специальных познаний о свойствах и характеристиках товара (работы, услуги). Тем не менее слова-указатели не всегда используются при конструировании презумпций. В таком случае принято говорить о так называемых косвенных презумпциях, под которыми понимают презумпции, выводимые из смысла нормы права, когда «презумируемое положение не излагается непосредственно в норме, но его можно вывести из нее путем умозаключений»⁵³; «словесно не закрепленные в статье нормативного акта, но выводимые из содержания правовых норм при их толковании»⁵⁴. Сложность обнаружения косвенных презумпций позволяет некоторым авторам не рассматривать данную разновидность в качестве правовой презумпции. Так, по мнению Н.Н. Цуканова, «единственно оправданным является прямой способ закрепления правовой пре-

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Кузнецова О.А. Презумпции в гражданском праве. СПб., 2004. С. 27. Цит. по: Гражданский процесс: учебник / под ред. А.Г. Коваленко, А.А. Мохова, П.М. Филиппова. М., 2008. С. 94.

⁵² Кузнецов А.П., Пронина М.П. Функции презумпций в праве и их значение в регулировании отраслевых общественных отношений // Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские чтения: «Правовые презумпции: теория, практика, техника» / гл. ред. В.М. Баранов. Н.Новгород, 2010. № 4. С. 301.

⁵³ Никиташина Н.А. Юридические предположения в механизме правового регулирования: Правовые презумпции и фикции [Электронный ресурс]: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01. Абакан, 2004 (Из фондов Российской Государственной библиотеки). URL: <http://diss.rsl.ru>.

⁵⁴ Давыдова М.Л. Указ. соч. С. 166.

зумпции»⁵⁵. М.Н. Бронникова утверждает, что «презумпции, выводимые из смысла гражданско-правовой нормы («закрепленные в ней косвенно», «косвенные презумпции», – О.А. Кузнецова, Т.Г. Тамазян и др.), являются не правовыми, а фактическими, не имеющими обязательного характера, и могут учитываться при толковании закона, а также для совершенствования его норм»⁵⁶. Тем не менее косвенные презумпции не могут быть отнесены к числу фактических, поскольку имеют юридическое значение. Следует согласиться с выводом Е.А. Угрениновой о том, что «некоторые косвенно закрепленные презумпции, приобретая статус общеправовых принципов, играют не менее важную роль в правовом регулировании, чем юридические предположения, прямо закрепленные в нормах права» (например, презумпция знания закона)⁵⁷. Кроме того, к числу фактических презумпций нельзя отнести и те, что выводятся правоприменителем при толковании норм права и влекут за собой определенные правовые последствия. В качестве примеров таковых в литературе приводится ряд актов Конституционного Суда Российской Федерации. Так, «в Постановлении от 2 февраля 1998 года № 4-П Конституционным Судом Российской Федерации путем толкования положений Конституции России была выведена презумпция о том, что регистрация не может использоваться для установления системы контроля за законностью реализации прав и обязанностей граждан в различных сферах, а отказ в регистрации не должен служить средством предупреждения и выступать в качестве меры ответственности в связи с незаконной реализацией прав»⁵⁸.

В гражданском праве без использования вышеприведенных слов-указателей, формирующих юридическую конструкцию презумпции в соответствующей норме права, сформулированы, в частности, презумпции вины нарушителя обязательства (ст. 401 ГК РФ) и причинителя вреда (ст. 1064 ГК РФ). Остановимся на их анализе более подробно.

В силу п. 1 ст. 401 ГК РФ лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины. Согласно п. 2 ст. 401 ГК РФ. отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство. В юридической литературе отмечается, что правило п. 2 ст. 401 ГК РФ является чисто процессуальным правилом и вполне выводимо из норм ГПК РФ и АПК РФ о распределении бремени доказывания, согласно которым каждая сторона спора доказывает те обстоятельства, на которые ссылается. Как утверждает В.А. Белов, «ясно, что на отсутствие вины будет ссылаться лицо, нарушившее обязательство, а, стало быть, именно ему и придется доказывать это обстоятельство»⁵⁹. По мнению ученого, это демонстрирует неадекватность п. 2 ст. 401 ГК: вместо «правила о распределении бремени доказывания в нем должна была бы содержаться материально-правовая норма о презумпции вины нарушителя обязательства»⁶⁰. Д.А. Филиков также отмечая, что в ГК РФ отражен лишь процессуально-правовой аспект презумпции вины, тем не менее указывает, что сама презумпция «закреплена в тексте нормативно-правовых актов прямым способом через возможность опровержения»⁶¹, то есть является прямой, а не косвенной. Следует согласиться с мнением ученых о необходимости прямой формулировки презумпции вины в ГК РФ. Тем не менее с учетом того, в каком виде она существует сейчас, следует говорить о ее косвенном закреплении в законе посредством прямого отражения лишь процессуального ее аспекта. Примечательно, что судебная практика вывела из этого правила еще одну презумпцию для тех случаев, «когда по закону для возникновения ответственности за нарушение обязательства необходима особая форма вины (обычно умысел или грубая неосторожность)», в силу которой «наличие такой особой формы вины также презюмируется» (п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 года № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за

⁵⁵ Цуканов Н.Н. О критериях правовой презумпции // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст.: в 2 т. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 507-509.

⁵⁶ Бронникова М.Н. Гражданско-правовая презумпция по российскому законодательству: содержание, правовые формы и применение : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Самара, 2006 (Из фондов Российской государственной библиотеки) // URL: <http://diss.rsl.ru>.

⁵⁷ Угренинова Е.А. Указ. соч. С. 71.

⁵⁸ Там же. С. 70.

⁵⁹ Практика применения Гражданского кодекса части первой / под общ. ред. В.А. Белова. М., 2010. С. 720.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Филиков Д.А. Место презумпции вины в классификациях гражданско-правовых презумпций // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2011. Вып. 2 (12). С. 146-152.

нарушение обязательств»). Например, «после того как наступила обязанность поклажедателя забрать вещь, переданную на хранение, хранитель отвечает за утрату или повреждение вещи лишь при наличии с его стороны умысла или грубой неосторожности (п. 2 ст. 901 ГК). В случае спора презюмироваться будет не просто вина хранителя, а именно умысел или грубая неосторожность»⁶².

Согласно п. 2 ст. 1064 ГК РФ лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. В приведенной формулировке закона установлена презумпция вины причинителя вреда. Настоящая презумпция, как отмечает А.А. Мохов, «обязывает суд перераспределить обязанности по доказыванию по сравнению с общим правилом. По такому делу не истец (потерпевший) обязан доказать виновность причинителя вреда, а ответчик (причинитель вреда) обязан доказать свою невиновность.... Если ответчик не докажет свою невиновность, суд должен исходить из виновности причинителя вреда, то есть считать соответствующее искомое условие наличным»⁶³. Необходимо обратить внимание на то, что установленная в гражданском праве презумпция вины правонарушителя, распространяется только на причинителя вреда и не применяется к потерпевшим. В связи с этим вина потерпевшего никогда не предполагается, она всегда должна быть доказана правонарушителем⁶⁴. Поэтому в целях применения, в частности, правил ст. 1083 ГК РФ об уменьшении размера возмещения вреда (отказе в возмещении вреда), причинителю вреда нужно доказать вину потерпевшего. Следует также отметить, что в гражданском праве положение п. 2 ст. 1064 ГК РФ о презумпции вины причинителя вреда применяется не ко всем случаям деликтной ответственности. В частности, это касается преддоговорной ответственности по ст. 434.1 ГК РФ. Такая особенность обусловлена тем, что «в отличие от обычного деликта, предстоящего в виде причинения вреда жизни, здоровью или имуществу жертвы и предполагающего достаточно ясное разделение между элементами противоправности и вины в случае с ответственностью за недобросовестное поведение эти два элемента сливаются воедино»⁶⁵. Поскольку добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается (п. 5 ст. 10 ГК РФ), истец, настаивающий на привлечении ответчика к преддоговорной ответственности, должен доказать недобросовестность ответчика. Истец, доказавший недобросовестное поведение ответчика на стадии переговоров, автоматически доказывает и наличие вины. Поэтому Верховный Суд Российской Федерации в пункте 19 Постановления Пленума от 24 марта 2016 года № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» указал на то, что поведение сторон переговоров предполагается добросовестным, бремя доказывания недобросовестности ответчика лежит на истце, а п. 2 ст. 1064 ГК РФ, устанавливающий презумпцию вины причинителя вреда, к преддоговорной ответственности не применяется. В таких случаях, «когда ответственность наступает не за некое нарушение четкого стандарта поведения, а за нарушение принципов добросовестности (или разумности), всегда происходит это слияние элементов ответственности»⁶⁶. Иными словами, перед правоприменителем возникает вопрос о сосуществовании презумпции добросовестности (и/или разумности) и презумпции вины и о том, какая из них имеет приоритет. Но по сути он отпадает, поскольку вина и противоправность в таком случае объединяются в единый элемент состава гражданского правонарушения, где противоправность исчерпывается категориями недобросовестности и неразумности, бремя доказывания которых лежат на истце. Подобная проблема уже возникала на практике при привлечении к ответственности директоров за нарушение принципов добросовестного и разумного управления компанией, которую решил Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 30 июля 2013 года № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»⁶⁷, возложив бремя доказывания недобросовестности и неразумности действий (бездействия) директора, повлекших неблагоприятные послед-

⁶² Байбак В.В. Общие условия ответственности за нарушение обязательств в ст. 401 ГК РФ: старые правила в новом контексте // Закон. 2016. № 10. С. 136.

⁶³ Гражданский процесс: учебник / под ред. А.Г. Коваленко, А.А. Мохова, П.М. Филиппова. М., 2008. С. 94.

⁶⁴ Антимонов Б.С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М., 1950. С. 253.

⁶⁵ Карапетов А. Г. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 24 марта 2016 года «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». URL: <https://zakon.ru/blog/2016/3/25>.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ URL: http://arbitr.ru/arxiv/post_plenum/90841.html.

ствия для юридического лица, на истца. Следует отметить, что российская доктрина и практика пошли путем признания презумпции противоправности, которая означает, что потерпевший не должен доказывать противоправность поведения причинителя вреда, так как она предполагается. Презумпцию противоправности выводят путем толкования, то есть опять же косвенно, из п. 3 ст. 1064 ГК РФ, согласно которому вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом. В таком толковании, как указывает Р.Р. Лугманов, «можно попытаться найти рациональное зерно: если провести тест и допустить обратную презумпцию (презумпцию правомерности любого причинения вреда), то, поскольку такой вред может быть возмещен только в случаях, предусмотренных законом (а таких всего несколько), ст. 1064 ГК РФ будет практически неработающей»⁶⁸. Презумпция противоправности причинения вреда не всегда применяется, в частности, она не распространяется на случаи причинения вреда актами государственных и муниципальных органов, действием (бездействием) должностных лиц (ст. 1069 ГК РФ). В этом случае бремя доказывания противоправности лежит на истце. Так, согласно п. 5 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 31 мая 2011 г. № 145 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами», «требуя возмещения вреда, истец обязан представить доказательства, обосновывающие противоправность акта, решения или действий (бездействия) органа (должностного лица), которыми истцу причинен вред»⁶⁹. При этом Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации указал, что «бремя доказывания обстоятельств, послуживших основанием для принятия такого акта или решения либо для совершения таких действий (бездействия), лежит на ответчике»⁷⁰. Такое перераспределение бремени доказывания противоправности причинения вреда в пользу потерпевшего как слабой стороны отношения позволяет некоторым авторам утверждать, что презумпция противоправности действует и в случае причинения вреда актами власти⁷¹.

Итак, вышеприведенные примеры очевидно свидетельствуют о том, что далеко не все признаваемые судебной практикой и правовой доктриной презумпции нашли прямое закрепление в законодательстве, и некоторые из них могут быть выведены из текста соответствующей нормы лишь посредством ее толкования. Кроме того, как было показано ранее на примерах нескольких правоположений, презумпции могут быть сформированы и в результате правоприменительной деятельности. На практике, как было отмечено выше, нередко возникает проблема определения пределов применения различных правовых презумпций и допустимости их одновременного существования, решение которой главным образом связано с определением их назначения в конкретной отрасли права и осуществляется исходя из существа юридической конструкции, применяемой в конкретном случае. В связи с этим определение функционального значения презумпции для регулирования общественных отношений определяется ее значением в соответствующей отрасли права. При этом общее назначение презумпций заключается в преодолении неопределенности относительно факта существования тех или иных значимых для права явлений. Практическая же составляющая их существа наиболее ярко проявляется в их тесной взаимосвязи с процессом доказывания и распределением бремени доказывания, освобождении заинтересованного в признании существования факта лица от доказательства этого существования.

Поступила в редакцию 17.12.2020

Анчишина Евгения Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1 (корп. 4)
E-mail: anchishina@list.ru

⁶⁸ Лугманов Р.Р. Деликтное право как средство взыскания чисто экономических убытков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 2. С. 142.

⁶⁹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Ершова И.В. Противоправность как условие деликтной ответственности органа местного самоуправления по ст. 1069 ГК РФ // Вестник НГУ. Сер.: Право. 2012. Т. 8, вып. 2. С. 100.

*E.A. Anchishina***PRESUMPTION IN MODERN LAW: CONCEPT AND LEGAL MEANING**

DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-1-70-80

This article presents an analysis of the main existing approaches to the definition of the concept of legal presumption and its essence (logical-philosophical, legal and normative). The author's point of view on the presumption as a method of legal technique is substantiated, which is reflected both directly and indirectly in regulatory legal acts, as well as in the legal provisions of judicial practice, which is confirmed by specific examples from the Resolutions of the Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation, the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation and other acts of judicial interpretation. In the course of researching the legal meaning of presumptions, the author highlighted its legal and practical aspect, which is expressed in overcoming the state of uncertainty regarding the existence of certain legal phenomena by fixing a certain assumption and, as a result, releasing a person interested in recognizing the existence of a fact from proving this existence. Particular attention is paid to the problem of determining the limits of the application of various legal presumptions and the admissibility of their simultaneous existence on the example of presumptions in civil law.

Keywords: legal presumption, assumption, legal provision, method of legal technique, presumption of guilt, presumption of good faith.

Received 17.12.2020

Anchishina E.A., Candidate of Law, Associate Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: anchishina@list.ru